

Гр а н и к о с м и ч е с к о г о м и р о в о з з р е н и я

А.В. Лесков

В сетях нравственного императива

В журнале «Культура и время»* в 2008 году был опубликован очерк о моем отце, выдающемся российском ученом, докторе физико-математических наук, профессоре Леониде Васильевиче Лескове, с предисловием Людмилы Васильевны Шапошниковой. Отец много лет сотрудничал с МЦР. Он был академиком двух академий – РАЕН и Академии космонавтики, преподавал в МГУ и МГТУ имени Баумана, читал лекции в Российской академии госслужбы при Президенте РФ, был ведущим научным сотрудником ЦНИИМАиш, а затем НПО «Композит», заместителем генерального директора по науке Института теоретической и прикладной физики РАЕН.

Леонид Васильевич получил естественнонаучное образование (окончил физический факультет МГУ); был специалистом по физике плазмы, а потом более 50 лет работал в космической отрасли; он был настоящим энциклопедистом, мыслителем с большой буквы. Его последние книги посвящены судьбам человечества в целом и в особенности горячо любимой им России. Наиболее близкий ему язык точных наук он использовал для философского осмысления мира, в котором мы живем.

* Лескова Н.Л. Как хорошо, что он был // Культура и время. № 2, 2008. С. 221–227.

В предыдущем очерке об отце я с уверенностью писала, что последняя его книга – «Неизвестная Вселенная»¹. Он заканчивал этот труд в последние дни жизни. Однако недавно, перечитывая список работ отца, составленный им самим, мы обнаружили, что одна из книг – «Примет ли нас XXI век?», изданная, согласно списку, в 2004 году, отсутствовала в печатном варианте. Рукопись я нашла не сразу и «проглотила» ее за несколько дней. Это серьезная монография в 300 с лишним страниц, в ней Л.В. Лесков предлагает свои ответы на вопрос, почему мы так бедственно и бестолково живем и что можно сделать для того, чтобы изменить нашу жизнь к лучшему.

В очередной раз поражаясь широте эрудиции, глубине аналитического и богатству образного мышления отца, я спрашивала себя: как может один человек освоить такое количество информации, «переварить» и подвергнуть ее детальному анализу, связав в единую цепь самые, казалось бы, разнородные события истории человечества? Да еще и поведать все это в столь захватывающей форме, похожей на стиль художественного произведения... И в который раз меня охватывал озноб тревожного и радостного возбуждения: как почетно и как, вместе с тем, ответственно быть дочерью такого отца!

Сам автор определяет жанр книги как «предвидение в диалогах». Отец, всегда бывший большим фантазером, выбрал себе в собеседники великих личностей, в то или иное время оказавших заметное влияние на ход человеческой истории. Задавая виртуальные вопросы Аристотелю и Данте, Пушкину и Платону, Булгаковым (писателю Михаилу Афанасьевичу, и философу Сергею Николаевичу), Канту, Достоевскому, Ницше, а также многим другим, известным всем со школьной скамьи, и тем, чьи имена из-за несправедливой опалы оказались преданными забвению, отец незаметно делает их нашими собеседниками и современниками, размышляет о том, какие уроки они могли бы преподать каждому из нас, о каких опасностях и бедах предупредить.

Книга, написанная в 2004 году, во многом оказалась пророческой. Думаю, предупреждения отца будут актуальны еще довольно долго: его прогнозные сценарии распространяются на весь наступивший XXI век, в котором мы с вами живем, а он – уже нет. Во время чтения книги меня преследовала мысль: он как будто знает о нашей сегодняшней жизни больше, чем мы, и предостерегает от того, что может нас погубить.

Книга «Примет ли нас XXI век?» выйдет в свет в 2009 году, и читатели журнала «Культура и время» имеют уникальную возможность познакомиться с одной из глав этого издания. Те, кому хочется больше узнать о научном наследии профессора Л.В. Лескова, могут посетить недавно открывшийся сайт www.leskovlv.ru

Наталья Лескова

В 1839 году семнадцатилетним юношей будущий великий писатель Федор Михайлович Достоевский записывает в дневнике: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и если будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Поставленная им перед собой задача отличалась исключительно высокой степенью сложности. Человек – микрокосм – не менее сложен, чем сама Вселенная. В его натуре в многочисленных комбинациях и взаимопереплетениях сочетаются добро и зло, рассудочность и иррациональность, крайнее себялюбие и альтруизм, отвага и трусость, свободолюбие и страх перед ответственностью. Так что же такое человек и как разобраться в загадках его души?

Приступая к разборке этих тайн, Достоевский формулирует несколько постулатов – нет, не прямо, но устами своих героев. «Я думаю, – говорил

Алеша Карамазов, – что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить». «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! – соглашается с ним старший брат Иван. – Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь».

А в центре этого чувства – человеколюбие. Это второй постулат. И прежде всего это любовь к невинным и чистым душам – детям. Ни всеобщее счастье, ни мировую гармонию нельзя оправдать, если их ценой будет назначена хотя бы одна слезинка ребенка. Иван Карамазов готов «возвратить билет» в этот благополучный мир. «Пока еще время, – говорит Иван, – спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии отказываюсь. Не стоит она слезинки одного только замученного ребенка». В.В. Розанов² пишет по этому поводу, что в центре всей философии Достоевского лежит «идея абсолютной ценности личности».

¹ Лесков Л.В. Неизвестная Вселенная. М.: ЛКИ, 2008. С. 232.

² В.В. Розанов (1856–1919) – русский религиозный философ, литературный критик и публицист. Здесь и далее применения Н.Л. Лесковой.

Но как же быть в таком случае с весьма распространенным мнением о крайнем пессимизме писателя, о его большой душе? Именно темные стороны человеческой личности в первую очередь исследуются в его произведениях. Достоевскому, пишет по этому поводу С.Н. Булгаков³, «был дан страшный, истинно человеческий и единственно человеческий дар – дар страдания во имя любви к людям, дар страдания и крест страдания». Отсюда и то качество творческого метода Достоевского, которое В.В. Зеньковский⁴ назвал «антропологическим антиномизмом», то есть умением разглядеть душу человека во всей ее внутренней противоречивости. Эту особенность произведений Достоевского можно считать третьим базовым постулатом его метода. Идея ясно выраженной антроподицеи, пути к спасению человека в них отсутствует, писатель больше задает вопросов, чем дает ответов: Достоевский не проповедник, а исследователь человеческой психики.

Именно так оценивает свой труд и сам писатель. В «Записках из подполья» он называет себя реалистом в высшем смысле, то есть не бытописателем, а «аналитиком всех глубин души человеческой». Совершенно справедливо пишет о нем Н.А. Бердяев⁵: «Достоевский – не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы. Все художество Достоевского есть лишь метод антропологических изысканий и открытий».

Входя в виртуальный мир, созданный его творческим воображением, поневоле начинаешь ощущать, как некую таинственную реальность, сеть невидимых струн нравственного закона, неотвратимо властвующего в этом мире. Эти тончайшие нити – то жесткие, то без видимого усилия растягивающиеся и эластичные, – тем не менее, образуют прочнейший каркас топоса, в котором действуют герои, ожившие под пером мастера.

Насельники этого виртуального топоса всеми силами духа стремятся к свободе и счастью, но, словно слепые с картины Питера Брейгеля⁶, не могут найти дороги, ведущей их к заветной цели, и все больше запутываются в сетях нравственного закона, покрывающих все пространство их жизни. И тогда невидимые эти нити больно ранят их души и наносят смертельные раны их телам. Почти никому из героев книг Достоевского не удается найти выход из тенет этого этического лабиринта. Стремясь освободиться, они только запутываются все больше, пока наконец не погибают. Редко в какой из книг

Достоевского героев не ждет физическая или нравственная гибель. Кончают самоубийством Ставрогин, Кирилов, Свидригайлов, Смердяков, герои рассказа «Кроткая» и «Сон смешного человека». Идут на каторгу Дмитрий Карамазов и Раскольников; каторга ожидает и Рогожина, зарезавшего Настасью Филипповну. Сходит с ума Иван Карамазов. Мечутся, не находя выхода из нравственных тупиков, Мышкин и Версилов. Вряд ли в истории всей мировой литературы найдется другой писатель, в сочинениях которого столь же велика концентрация драматических и трагических исходов. Герои Достоевского, пишет исследователь его творчества В.В. Вересаев, живут «в муках бессильно стремящейся воли, в едких переживаниях отчаяния, ужаса и позора, в безумиях страдальческой и мучительной страсти».

Присмотримся, на какие нравственные законы ориентируют свою жизнь и свои поступки герои писателя. «Я не человека убил, я принцип убил, – рассуждает, совершив преступление, Раскольников. – Мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек, смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая, или право имею?» Опираясь на свой «жалкий, земной, эвклидов ум», ищет ответа на вечные вопросы бытия Иван Карамазов. И все они, не без сарказма замечает Достоевский, занимаются всего-навсего тем, что «извлекают квадратный корень».

Достоевский, пишет по этому поводу немецкий исследователь его творчества Р. Лаут, совершенно не принимал этику чистого разума не потому, что не придавал ей никакого значения, а потому, что вообще считал ее невозможной. Достоевскому были известны этические воззрения его современников Спенсера, Бентама, Маркса, которые считали, что человеческая воля направляется объективной действительностью. Если принять такую точку зрения, отмечал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год, то можно прийти к отрицанию нравственной ответственности личности и свободы ее. И значит, нет ни проступков, ни грехов, ни преступлений.

У Достоевского есть герои, которые исповедуют именно такой подход, – это Верховенский, Шигалев, Шатов. И прежде всего Великий Инквизитор, для которого люди всего лишь «недоделанные, пробные существа, создаваемые в насмешку». Он готов сделать их счастливыми, дав им хлеб.

– Но ты предпочел дать им свободу, которая им не нужна, – говорит он Христу.

³ С.Н. Булгаков (1871–1944) – русский философ, богослов, экономист, священник Русской православной церкви.

⁴ В.В. Зеньковский (1881–1962) – русский философ, богослов, педагог.

⁵ Н.А. Бердяев (1874–1948) – крупнейший русский философ.

⁶ Питер Брейгель (нидерл. *Pieter Bruegel de Oude*; ок. 1525–1569) – фламандский живописец и график, мастер пейзажа и жанровых сцен.

И Христос находит удивительный по своей силе ответ: он уходит молча.

– Все создания и вся тварь, – словно бы растолковывает Великому Инквизитору смысл молчания Христа святой старец Зосима, – каждый листик устремляется к слову. Богу славу поет, Христу плачет... Все – как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается.

Этика галилейского учителя логична и внелогична одновременно. Нравственное учение Христа нетрудно изложить в простых словах, но их никогда не поймет тот, кто подобен Великому Инквизитору: это учение надо усваивать прежде всего сердцем. Именно в этом великий смысл молчания Христа в споре с Великим Инквизитом. Евангельский ответ Христа известен: «Я есть Истина». «Нет ничего прекраснее, – убежден Достоевский, – глубже, симпатичнее, мужественнее и совершеннее Христа».

– Это ты? – спрашивает его Великий Инквизитор. – Зачем ты пришел нам мешать? Пятнадцать веков мы мучились с этой твоей свободой, но теперь дело кончено и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Но знай, что люди, получив хлеб от нас, уверены, теперь уверены, что свободны вполне. Люди обрадовались, что их вновь повели, как стадо, и с сердец их снят, наконец, твой страшный дар свободы. Того ли ты желал, что сделали мы? Неужели мы не любим человечество, сознав его бессилие и облегчив его душу? И я открою тебе нашу тайну: мы не с тобой, мы взяли от *него* Рим и меч кесаря и объявили себя царями земными. Кому же еще владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их? И они будут покоряться нам с весельем и радостью. Завтра ты увидишь это послушное стадо, которое по моему мановению бросится подгрести угли к костру твоему, на котором я сожгу тебя. Я сожгу тебя за то, что ты пришел мешать нам. Dixi⁷.

В этой легенде о Великом Инквизиторе Достоевский чутко уловил титаноборческий пульс модерна. Убежденность в неодолимой силе разума, интеллекта, вера в благотворность никогда не скончаемого технологического прогресса вели в конечном счете к воротам ГУЛАГа и Освенцима, к череде мировых войн, к порогу экономической катастрофы. Восстание титанов против богов – это бунт против космических неодолимых законов природы. Этот бунт изначально обречен на поражение.

Тему титанизма и человеческой свободы Достоевский исследует, быть может, особенно тщатель-

но. В неопубликованном предисловии к «Бесам» он писал: «Жертвовать собою и всем для правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман».

Запутавшись в сетях нравственного императива, герои романа ищут свой ответ на этот вопрос. Для Ставрогина высшая ценность – это ничем не ограниченная свобода. Его идеал четко сформулирован Кириловым: «Если нет Бога, то Бог – это я». Этот идеал ведет к нравственному распадению личности, и Ставрогину в конце концов остается только одно – сунуть голову в петлю.

Не лучше складывается судьба и других героев. Сторонник революционного разрушения старого мира ради создания тоталитарной общественной системы Шигалев на деле оказывается способным лишь на уголовное преступление – убийство. Потерявший веру во все жизненные ценности Кирилов пускает себе пулю в лоб в убеждении, что совершает высший акт свободы. Нетвердый в своих взглядах Шатов высказывает, правда, ценные мысли о патриотизме, о священном значении земли-матери, а трагикомический Степан Трофимович Верховенский отстаивает идею о великом значении красоты.

Всем этим разрушительным технологиям противостоит у Достоевского, по словам Вяч. Иванова, «соборное всеединство во Христе», в котором «личности достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей непокупной творческой свободы». Высшим эталоном нравственности для Достоевского был Христос. К своей вере, признается писатель, он пришел через большое горнило сомнений. Это постижение нравственного Абсолюта дается через духовное озарение и только потом может быть передано в логически последовательной форме.

Человек, пишет по этому поводу Мартин Бубер⁸, имеет тройственную связь со своим жизненным топосом. Во-первых, это связь с вещественным миром, во-вторых – с миром людей и, в-третьих, это его связь с трансцендентной тайной бытия, которую верующий назвал бы Богом, а философ – Абсолютом. Но эта связь важна и для того, кто отбрасывает оба ответа.

На иных путях ищут дорогу к истине герои Достоевского. Интуиция, первозданное ощущение жизни у них отсутствует. Они пытаются решать свои проблемы путем одних только умозаключений. Все они постоянно умничают, по тонкому замечанию Вересаева. Настривая своих героев на подобные суждения, Достоевский, по существу,

⁷ Dixi (лат.) – я сказал.

⁸ Мартин Бубер (1878–1965) – немецко-еврейский экзистенциальный философ, теоретик сионизма.

проводит тонкий психологический эксперимент, который убедительно демонстрирует, куда ведет такой выбор. Выход, намеченный им из этого тупика, считает Д.С. Мережковский⁹, состоит в поиске новой религиозности спасения.

Но если это и новая религия, то это религия страдания. Обитатели мира, который создает Достоевский, безмерно несчастны, безнадежно слабы. От этих кровавых обид так устаешь, пишет «подпольный человек», что в самих мучениях начинаешь находить «сок странного наслаждения». «Есть, есть наслаждение в последней степени приниженности и ничтожества!» – вторит ему герой повести «Игрок».

Почему же так страдает человек? Да потому, пишет Вересаев, что в душе его бьются два равновластных хозяина – добро и зло, небо и ад. В сумеречной душе умничающего человека, которого изображает Достоевский, прячется дьявол, причем злой этот «хозяин» почти всегда побеждает доброго. В человеческой природе заложено столкновение Бога и сатаны. Но если человеческий космос и в самом деле изначально поделен на черное и белое, на вечно противоборствующие силы зла и силы добра, то тогда это религия скорее обманчивого Мани, а не Христа.

Но не так прост Достоевский. «И сатане не чуждо ничто человеческое», – заявляет черт Ивану Карамазову, мучаясь от приступа ревматизма. Черт – виртуальный двойник Ивана – растолковывает ему, насколько они духовно близки. «Я думаю, – соглашается с ним Карамазов, – что если дьявол и существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию».

И снова получается нехорошо: если человек – это и есть прирожденный дьявол, то тогда именно он, а не кто-то им самим измышленный, – враг и антипод самого Бога. Чтобы отвести от Достоевского и это подозрение, дадим слово Н.А. Бердяеву. У героев Достоевского, пишет он, «полярность божеского и дьявольского начал, бурное столкновение света и тьмы в самых глубинах человеческого духа. Поле битвы Бога и дьявола очень глубоко заложено в человеческой природе». Если бы Достоевский до конца раскрыл учение о Боге, об Абсолюте, продолжает Бердяев, он обнаружил бы полярность самой божественной природы, темную сторону божественного бытия.

Эту мысль о потаенных свойствах трансцендентного, находящих отражение в человеческом сердце, подтверждает Мирча Элиаде¹⁰. Противник Бога Мефистофель, пишет он, борется с добром, сопро-

тивляется течению жизни. Но, в конце концов, на деле «оказывается сотрудником Бога. Вот почему Создатель в своем божественном предвидении дает его в спутники человеку». Эта метафизика, объединяющая добро и зло, сомнение и заблуждение, необходима не только для человеческого существования, но и для самого Космоса.

Тонкий и глубокий мастер психологического анализа Достоевский как философ чаще ставит вопросы, чем находит на них ответ. Те герои его, на которых, как ему кажется, снизошел Святой Дух и которым поэтому открылся тайный смысл жизни, – старцы Тихон и Зосима, Макар Иванович, отчасти и Алеша Карамазов, – явно удались ему менее всего. Они больше напоминают бледные тени, чем живых людей. Да и разгадан ли ими в действительности смысл жизни?

– Мечтаю видеть и как будто уже вижу ясно наше грядущее, – говорит святой старец Зосима. – Ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение его, поймет и уступит ему, с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим, на то идет.

Вот так: один благолепно устыдится, другой с радостью уступит ему. Удивительно, как этот марзаматический оксюморон умница Достоевский мог выдавать за откровения едва ли не божественные! А может, все дело в том, что прав Вересаев, когда утверждает, что Достоевский в глубине души не верит в Бога, а только хочет в него поверить?

Но у Достоевского есть герой, который не только глубоко и искренне верует, но к тому же и очень умен. Это князь Мышкин. «Красота спасет мир», – говорит Мышкин, и эту формулу любят цитировать исследователи творчества Достоевского. Но не так прост Федор Михайлович. Другой его герой, Дмитрий Карамазов, считает, что в жизни красота выступает как «страшная и ужасная вещь», что, стремясь к красоте, человек начинает с идеала Мадонны, а приходит к ужасному греху. А потому «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей». И еще, замечает В.В. Зеньковский, формула Мышкина – это эстетическая утопия, и не красота спасет мир, а «красоту в мире нужно спасти».

Мышкин, в котором, пожалуй, как ни в каком другом герое Достоевского, запечатлен живой образ Христа, в своих словах и поступках следует именно этой второй формуле. Он способен к сердечной любви и, безусловно, добр со всеми, с кем

⁹ Д.С. Мережковский (1865–1941) – русский писатель, поэт, критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель. Был женат на Зинаиде Гиппиус.

¹⁰ Мирча Элиаде (1907–1986) – румынский писатель, историк религий и исследователь мифологии, профессор Чикагского университета с 1957 года, гражданин США с 1966-го.

его сводит жизнь. И ему дан особый дар сердечной мудрости: едва посмотрев в глаза человеку, он уже знает, на что он способен и какая судьба его может ждать. Но при всех его превосходных достоинствах он совершенно не способен противостоять злу. А в итоге и сама сердечная доброта его оказывается предпосылкой драматических событий в жизни других людей, да и его самого в конечном счете.

Уже в XX веке русский философ И.А. Ильин написал книгу «О сопротивлении злу силою». Князь Мышкин эту книгу прочитать не мог. А жаль.

Ну а если не сопротивляться злу, которое так часто торжествует на страницах романов Достоевского, то не следует ли отсюда, что и основания этики лучше всего развернуть в эту сторону? У Достоевского нашлись поклонники, которые именно с этой целью принялись извлекать «квадратный корень», мудрствовать лукаво. И первым среди них стал Фридрих Ницше. Достоевский, признавался он, был самым счастливым открытием в его жизни. «Это психолог, – писал Ницше, – с которым я нахожу общий язык». Особенно восхищали его «Записки из подполья» с их жестоким и беспощадным осмеянием принципа «познай самого себя», с опьяняющим наслаждением силы, бьющей через край.

– Бог есть боль страха смерти, – говорит Кирилов. – Кто победит боль и страх, тот сам станет бог.

– Бога нет, – отвечает ему Ницше. – А потому нет ни страха, ни боли.

– Если Бога нет, то все дозволено! – возражает ему Иван Карамазов.

– Верно, все дозволено, – соглашается с ним Ницше. – Вопрос только в том – кому?

И начинает свою знаменитую проповедь Сверхчеловека – аристократа и индивидуалиста:

– Мир есть Левиафан силы, в котором и сконцентрирована жизнь.

– Лучшее должно господствовать и лучшее хочет господствовать!

– Сокрушайте добрых и праведных! Будьте тверды!

– Падающего – толкни!

– Я люблю тех, кто носит в груди великое презрение!

– Никакая мораль невозможна без хорошего происхождения.

Этика Ницше, пишет Б. Рассел¹¹, – полное отсутствие сочувствия. Мне неприятен Ницше, продолжает философ, но далее делает очень интерес-

ное признание: я не знаю, как доказать, что он не прав, «с помощью доводов, подобных доводам в математическом или естественном споре». Необходимые для этого аргументы, полагает Рассел, лежат не в области логики, а в сфере сердца, эмоций.

И, словно вступая в спор со своим маститым оппонентом, Ницше неожиданно заявляет:

– Кто не умеет лгать, тот не знает, что есть истина.

Это очень ценное признание претендента на роль Сверхчеловека, или человекобога, по терминологии Достоевского. За этими словами скрывается испуг самого Ницше перед собственными крайним ригоризмом и смелостью. И в этом своем страхе он признается почти открыто. Один из героев его «Веселой науки», сойдя с ума, бежит среди бела дня с фонарем и кричит:

– Где Бог? Я вам скажу где: мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы могли это сделать? Что мы делали, когда разрывали цепи, привязывающие землю к ее солнцу? Куда она теперь движется? Куда движемся мы сами? – Прочь от всех солнц? Есть ли еще «верх» и «низ»? Не блуждаем ли мы как бы в бесконечном «ничто»? Не дышит ли на нас своим дыханием беспредельная пустота?

От этого ужаса можно было и на самом деле сойти с ума. Именно такая судьба ожидала самого Ницше: его дни закончились в сумасшедшем доме. Знаменитый немецкий философ был не единственным, кто брался за нелегкую задачу сокрушения Бога. Один из его не менее известных соотечественников любил в молодые годы сочинять поэмы следующего содержания:

Я с презрением бросаю перчатку

В широкое лицо мира.

И ничтожный исполин рухнет со стоном,

Но мое пламя не погаснет под его обломками.

Подобно Богу, я буду расхаживать.

Победоносно ходить по царству развалин.

Каждое мое слово станет огнем и действием.

Моя грудь будет подобна лону Творца.

Ринувшийся сокрушать богов автор этих строк не только ощущал себя исполином, но был им в действительности – его звали Карл Маркс. Никто не оспаривает тот серьезный вклад в науку, который принадлежит Марксу. Но на предложенной им программе построения коммунистического общества лежат несомненные черты утопии. На это

¹¹ *Бертран Рассел* (1872–1970) – английский математик, философ и общественный деятель. Рассел проделал сложную философскую эволюцию, создал концепцию логического атомизма и разработал теорию дескрипций. Считал, что математика может быть выведена из логики.

указывали уже первые критики этой программы, например М.А. Бакунин и С.Н. Булгаков. Цитируя самого Маркса, Булгаков отмечал, что ценой вступления человека в это святое коммунистическое завтра явится отказ от собственной индивидуальности, а само «человеческое общество превратится не то в Спарту, не то в муравейник или пчелиный улей». Вся коммунистическая доктрина Маркса, указывает Булгаков, вытекает из его основного религиозного мотива – воинствующего атеизма и по существу есть не что иное, как проповедь хилиазма, облаченная в секуляризованные одежды.

В марксизме, развивает эту тему Н.А. Бердяев, самой слабой стороной всегда была психология. А в ленинизме она приняла еще более грубые формы. Корни этой богоборческой и одновременно по существу глубоко религиозной психологии следует искать в биографии самого Маркса. Следствием этой психологии стала вера «в будущую жизнь, не в потустороннюю, а посюстороннюю будущую жизнь, в новое коммунистическое общество, которое для него заменило веру в Бога».

– Так как Бога и бессмертия нет, – рассуждает Иван Карамазов, – то новому человеку позволительно стать человекобогом... и с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду человека-раба, если это понадобится. Все дозволено.

Под этими словами охотно подписался бы и проповедник этики Сверхчеловека Ницше. А как бы отнесся к ним Маркс? Вот интересное свидетельство А.О. Пржецлавского, осуществлявшего прокурорский надзор по делу С. Нечаева – организатора «Народной расправы» и автора «Катехизиса революционера». Пржецлавский рассказывает, что во время встречи Маркс сказал ему: «Мы только разрушители, мы ничего не создаем и когда совершенно уничтожим то, что ныне существует и что уже присуждено к уничтожению, то вы, господа философы-филантропы, будете вольны создать что захотите. Конечно, если мы это разрешим».

Эту этическую позицию охотно разделили бы с Марксом и террорист Нечаев, и такие герои Достоевского, как Раскольников, Шигалев, Верховенский. Правда, у самого Маркса можно отыскать высказывания и почти противоположные. Зато его верный последователь В.И. Ленин довел эту логику до кристальной ясности, заявив на III съезде комсомола: мы в старые сказочки о вечной нравственности не верим. Наша нравственность – «это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов».

Следует признать, Достоевский оказался неплохим пророком. Он предвидел, к каким последствиям приведет на практике этическая система, в основу которой положен принцип: для дела революции дозволено все.

Но куда может привести логика этой этической системы, в которой Абсолютом объявлялась она сама, не сумел предугадать даже такой тонкий знаток человеческой души, как Достоевский. Потратив много сил на то, чтобы мобилизовать народные массы на построение светлого коммунистического грядущего, наши главные марксистско-ленинские вожди в конце концов разочаровались в своих замыслах. И тогда они вместе с примкнувшими к ним младореформаторами из числа бывших комсомольских вожаков с легкостью необыкновенной переписали свой основной этический постулат, придав ему иную форму: для построения рыночного хозяйства дозволено все.

И никто из них на этом крутом вираже истории не испытал ни малейших мук совести. Приходится только догадываться, что сказал бы по этому поводу Достоевский. Ницше, скорее всего, одобрил бы такое поведение – социализм он ненавидел, так как считал, что он равнозначен гибели свободной личности в нивелирующем анонимате.

А что же наши современные теоретики, что говорят они о нравственных устоях нашего современного общества, которое лишилось ясных ориентиров самодвижения?

Откроем во всех отношениях превосходную книгу академика Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» Вечные истины, понятия добра и зла, лежащие в основе нравственности, пишет он, имеют материальное происхождение и приобретены человеком в процессе антропогенеза. В нашу эпоху надвигающейся глобальной экологической катастрофы их следует, однако, дополнить одним новым этическим принципом – коэволюции общества и природы. И это все. Нет больше нужды ни в Боге, ни в Абсолюте. И, следовательно, тщетными были душевные терзания Достоевского, которые он испытал, пытаясь постичь их тайну.

Согласиться с этим выводом нельзя. Страдания, которыми Достоевский оплатил свое стремление разгадать тайну того смысла, который скрывается за повседневностью человеческого бытия, не были напрасны. Его голос и сегодня призывает нас не останавливаться и не пасовать перед тем непрым вызовом, который в третьем тысячелетии предъявляет нам отечественная и мировая история.

Достоевский искал свои варианты ответа на вечные вопросы бытия, обращаясь к тем истинам Абсолюта, которые нашли свое выражение

в форме учения Христа. Наша задача состоит в том, чтобы попытаться продолжить этот поиск, используя потенциал позитивного знания, а не учение церкви.

На этом пути сразу возникает вопрос: способна ли наука открывать истины Абсолюта, или это привилегия одной только религии? Почему бы и нет, если этот Абсолют есть объективно существующая реальность?

Именно такую реальность и только такую реальность исследует наука, потому что знание, которым она овладевает, достигается путем теоретического обобщения тщательно выполненных экспериментов и наблюдений. В религии источниками знания являются божественное откровение и святоотеческий авторитет. Научное знание в отличие от этого целиком и полностью основано на дискурсе. И это не противоречит тому, что его первоначальное постижение очень часто связано с интуицией, творческим озарением, которые можно рассматривать как аналог божественного откровения.

В силу этих особенностей отличительным свойством научного знания является сомнение, которое служит мощным стимулом вечного и неостановимого движения науки вперед. Иное дело религия – она лишена эволюции, а потому у нее есть история, но нет будущего.

Первым, кто поставил задачу приоткрыть истину об Абсолюте на основе научного подхода и построить проекцию этой истины на нравственный топос человека, был К.Э. Циолковский. В роли этого Абсолюта, полагал он, выступает универсальная Причина космоса, которая, скорее всего, является межгалактическим союзом высокоразвитых космических цивилизаций. Люди, считал Циолковский, не станут нарушать этого кодекса, поскольку в его основе лежат наиболее фундаментальные законы бытия, противодействие которым лишено всякого смысла. Решению этой задачи Циолковский посвятил свою самую большую работу «Этика, или Естественные основы нравственности».

Циолковскому не удалось завершить работу над естественнонаучным обоснованием этики. Но, исследуя эту проблему, он сделал другое важное открытие: ему первому удалось обосновать факт предустановленной гармонии космоса. Впоследствии эту мысль неоднократно высказывали самые авторитетные ученые, среди которых были А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, П. Дирак, М. Борн и др. Однако если Циолковский видел в этой гармонии космоса проявление его Причины, за которой скрываются неизвестные разумные силы, то

из лидеров теоретической физики и математики XX века ни один не смог дать этому «эпистемологическому императиву» логического или мировоззренческого объяснения.

К концу XX столетия удалось, однако, приблизиться к пониманию природы этого феномена, за которым, скорее всего, и скрывается тайна Абсолюта. Первая из таких новых возможностей связана с успехами теории самоорганизующихся систем, или синергетики (исследования И. Пригожина, Г. Хакена, Э. Ласло и др.). В основе синергетики лежит системная триада принципов открытости, нелинейности и когерентности. Поскольку Вселенная является самоорганизующейся системой, ее эволюция определяется именно этими принципами. В частности, фундаментальное свойство когерентности проявляется в согласованном взаимодействии ее элементов, которое определяет динамику самой системы как единого целого.

Второе научное направление, которое приближает нас к разгадке тайны космического Абсолюта, – это физика квантового вакуума. Речь идет об открытии «двухслойной» структуры Универсума, одна из взаимосвязанных и активно взаимодействующих сторон которого – это хорошо известный материальный космос, а другая – мир квантового, или физического, вакуума, в исследовании которого сделаны пока только первые но принципиальной важности шаги. В соответствии с концепцией В.В. Налимова – Н.И. Кобозева – Л.В. Лескова одна из разновидностей квантового вакуума – мэон – является физическим референтом семантического пространства, а информационным агентом, обеспечивающим связь между этим пространством и объектами материального мира, являются спин-торсионные взаимодействия.

Принимая эту концепцию, можно предложить триадическую интерпретацию фундаментального свойства человеческой психики – интуиции. Именно интуиция, как отмечает А. Бергсон¹², служит истинным источником абсолютного знания; роль интеллекта состоит лишь в упорядочении этого знания и в переводе его на язык дискурса. Если поэтому первым элементом информационной космической триады является семантический, смысловой потенциал мэона, а роль второго выполняет спин-торсионный информационный канал, то третьим триадическим элементом является сознание человека. Добавим: и совесть – вряд ли случайно эти два слова в русском языке имеют общий смысловой корень («знание» и «весть»).

Для понимания сути этого феномена целесообразно провести параллель между естественнонауч-

¹² Анри Бергсон (1859–1941) – один из крупнейших философов XX века, представитель интуитивизма и философии жизни.

ной парадигмой семантической космической триады и апостольским символом Святой Троицы. Аналогия между Богом как Вседержителем и семантическим потенциалом мэона, а также между Логосом, или богочеловеком, и спин-горсионным взаимодействием просматривается без труда. Менее очевиден параллелизм между Святым Духом и интуитивными свойствами человеческого сознания. Но вот что пишет один из крупнейших религиозных мыслителей нашего времени К. Барт¹³: «Святой Дух не есть что-то иное, чем определенное отношение Слова к человеку... речь идет об участии человека в слове и деяниях Христа». Нисхождение Святого Духа на человека означает его включение в символ веры. Это «неслышанная тайна», которая определяет свободную и активную причастность человека к деянию Бога.

Этот параллелизм научного и религиозного образа Абсолюта вряд ли случаен. Как показал А.Ф. Лосев¹⁴, с точки зрения формальной структуры данные науки и религии обладают высокой степенью сходства. А потому можно думать, что в нашем случае речь идет об одном и том же феномене, описание которого дается на разных языках.

Вооруженные этими новыми научными знаниями, мы могли бы с нетрадиционных позиций подойти к реализации этической программы Циолковского. Эта новая этическая парадигма должна опираться на философию нестабильности, синергетическое мышление и на концепцию квантовой семантики мэона <...>

Параллелизм между апостольским догматом и триадическими концепциями синергетики и квантовой семантики мэона позволяет по-новому осмыслить этическое наследие Достоевского. Во-первых, отстаиваемые им – хотя и в неявной форме – нравственные принципы получают дополнительное, причем в достаточной мере фундаментальное естественнонаучное обоснование. Уже одно это делает их существенно более непререкаемыми, как и надеялся на то Циолковский.

Второй, быть может, еще более важный аспект касается новой интерпретации понятия свободы, следующей из базовых принципов синергетики. Напомним, что для героев Достоевского свобода являлась едва ли не высшей этической ценностью. Классическое определение свободы гласит: свобода есть осознанная необходимость. Философия нестабильности, лежащая в основе синергетического мышления, предлагает альтернативную формулировку: свобода есть возможность выбора в сочетании с чувством ответственности за этот выбор.

Третий новый момент также связан с синергетическим подходом к проблемам этики. С точки

зрения синергизма будущее не предопределено, развитие событий происходит в пространстве альтернативных виртуальных сценариев. Переход эволюционного вектора к одному из этих сценариев определяется многими факторами, в том числе, причем не в последнюю очередь, свободным выбором самого человека.

Отсюда следует и четвертый момент: если перед нами лежит пространство виртуальных альтернатив, причем из-за неопределенности управляющих факторов мы способны разглядеть только их довольно смутные контуры, то главной нашей задачей становится сведение к минимуму риска возможных ошибок. Синергетика облегчает решение этой задачи: с помощью ее методов можно сформулировать правила запрета тупиковых и далеких от оптимальности альтернативных сценариев.

А теперь вспомним тот образ этического топоса Достоевского, с которого начиналась эта глава: густая сеть невидимых нитей, опутывающих героев его книг. Эти нити – не что иное, как правила запрета губительных решений, которые то и дело принимают герои Достоевского.

Великий художник опередил свое время: нравственные эксперименты, которые он ставит на страницах своих книг, – это не что иное, как реализация программы научного направления, которое сегодня мы могли бы назвать синергетикой психологии. Возможно, некоторые положительные герои – старец Зосима и другие – удались Достоевскому менее всего потому, что для его психологических опытов они оказались мало пригодны. Чтобы дать высшую оценку этому экспериментальному направлению, открытому Достоевским, назовем его синергической этикой.

Весь XX век интеллектуальная элита России занималась тем, что сначала жадно усваивала очередную западную идеологическую новинку, а затем принималась по этим заемным меркам крушить до основания собственный дом. Потратив после очередной ломки много сил на то, чтобы более или менее привести его в порядок, пускала всю карусель по второму кругу.

Нет сомнений, эта дурная привычка жить чужим умом и забывать свое стала возможной, в частности, потому, что у наших строителей, перестройщиков и реформаторов оказались слабыми нравственные сдержки и противовесы. До их совести не доходил голос ни Бога, ни Абсолюта, и им не требовалось духовной работы, чтобы рвать те нравственные нити, в сетях которых бились герои Достоевского. Для этих «героев» дозволено все.

¹³ Карл Барт (1886–1988) – швейцарский кальвинистский теолог, один из основателей т. н. диалектической теории.

¹⁴ А.Ф. Лосев (1893–1988) – русский философ и филолог, профессор (1923), доктор филологических наук.

Антон Графф. Портрет И.Г. Гердера. 1785

В.И. Алексеева

Истоки немецкого космизма: Иоганн Готфрид Гердер о смысле бытия

Но чем обширнее хор гармонии, благодати и мудрости, в котором кружится мать наша Земля, чем непреложнее, чем величественнее законы, на которых зиждется существование Земли и всех миров, чем более все вытекает из одного и одно служит всему, тем более чувствую я, что и моя судьба связана не с прахом земным, но с незримыми законами, которые управляют прахом земным.

И.Г. Гердер. Идеи к философии истории человечества

«Гердер невысокого роста, посредственной толщины и лицом не бел... Лоб и глаза его показывают необыкновенный ум... Вид его важен и привлекателен; в мине его нет ничего принужденного, ничего такого, что бы показывало желание казаться чем-нибудь. Он говорит тихо и внятно, дает вес словам своим, но не излишний. Едва по разговору его можно подозревать в Гердере скромного любимца муз, но великий ученый и глубокомысленный метафизик скрыт в нем весьма искусно»¹, – писал об этом человеке Н.М. Карамзин, посетивший его в 1789 году в Веймаре.

Немецкий философ-просветитель, ученик Канта Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) является одним из тех представителей немецкой классической философии, кто несомненно исповедовал идеи космизма. Он тяготел к прозрению глубин мировой целостности и к разносторонней личной деятельности. Его таланты проявлялись в таких областях, как литература и эстетика, теология и философия. Будучи протестантским пастором и находясь на одной из высших ступеней церковной иерархии Германии, в своих трудах Гердер выступил как естествоиспытатель и противник основных религиозных догматов. Мало того, лютеранский пастор написал трактат «О переселении душ» (1782), рассматривал Библию в качестве памятника народного творчества, дружил с французскими просветителями, был другом Гете и Шиллера.

Он родился в городке Морунген Восточной Пруссии в семье школьного учителя начальных классов. Поступил на теологический факультет Кенигсбергского университета. Так он оказался студентом Иммануила Канта, которого считал остроумным преподавателем с приятной манерой изложения философских истин. Окончив университет, стал помощником ректора церковной школы в Риге. Получил приглашение преподавать в Петербурге. Однако, хотя русская культура была ему близка, предпочел остаться в Риге. Этот вольный город нравился Гердеру тем, что был далек от казарменных прусских порядков, царивших в Германии. Параллельно с профессиональной деятельностью занимался литературным трудом. Позже жил в Париже, Гамбурге, Эйтине, Страсбурге, Бюкебурге. В Бюкебурге совместно с Гете издал сборник «О немецком характере и искусстве». В Веймаре работал суперинтендантом протестантской церкви. В этом городе поэтов и философов закончился жизненный путь Иоганна Готфрида Гердера. В Веймаре и Риге есть памятники немецкому просветителю.

Казалось бы, его официальные занятия ничего не говорили о напряженной внутренней жизни, о научных и философских пристрастиях. Подобно Гете он увлекается естествознанием, особенно биологией. Изучает Спинозу, становится его поклонником, однако идет дальше – постулирует эволюционизм, непрерывное

¹ Цит. по: Гулыга А.В. Гердер. М.: Мысль, 1975. С. 23.

развитие материи и духа. Внешне мягкий и неприметный человек, он отличается твердостью характера и независимостью суждений. В отношениях с людьми он демонстрировал отсутствие привязанности к каким бы то ни было авторитетам. Мог разойтись во взглядах с Гете, поссориться с Шиллером из-за эстетических разногласий. Интуитивные прозрения всеобщей связи идей и вещей, непосредственного влияния Бога на всю тотальность мирового бытия, самоорганизации и совершенствования общества, которые руководили взглядами этого человека, обязывали его к самостоятельности суждений и независимой жизненной позиции. Теология, естествознание, эстетика, философия стали не отдельными специальностями, а гранями его деятельности.

Один только перечень основных трудов может удивить нас разнообразием тематики: «Опыт истории поэзии» (1766), «Пластика» (1773), «Еще одна философия истории для воспитания человечества» (1774), «О переселении душ» (1782), «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791), «Бог. Несколько диалогов» (1787), «О человеческом бессмертии» (1791), десять сборников «Писем для поощрения гуманности» (1793–1797).

Поэма «Сид», его последнее сочинение, вышла в русском переводе под редакцией Николая Гумилева. Однако особый интерес представляют сформулированные им идеи цельности мироздания – эволюционизм мира, человека и общества, проект достижения всеобщего мира, именно те проблемы, которые широко рассматриваются философией космизма.

Семь ступеней мирового бытия

Гердер предложил идею органического развития мира, прослеживаемую на разных уровнях единого мирового организма, начиная от косной и живой природы и заканчивая человеческой историей. Он считал, что всемирная история начинается с возникновения Солнечной системы, формирования Земли и продолжается историей человечества. Две фазы развития, природная и социальная, непосредственно продолжают друг друга. В этом смысле социальные закономерности носят столь же естественный и необходимый характер, как и сами природные законы. Законы же природы имеют вселенское значение. Таким образом, проблема человека и проблема общества носят вселенский характер.

«Философия истории человеческого рода должна начаться с небес, чтобы быть достойной своего имени. Поскольку дом наш – Земля не сама по себе наделена способностью создавать и сохранять органические существа, не сама собою устроилась и обрела свою форму, а все это – форму, устройство, способность рождать существа – получает от сил, пронизывающих целую нашу Вселенную, то и Землю нужно прежде всего рассмотреть не отдельно, а в хоре миров, куда она помещена», – писал ученый².

Довольно расплывчатая и не новая мысль о множественности небесных тел, об однородности физического устройства Вселенной и наличии космических сил, связывающих великую множественность миров в некоторое целое, неожиданно дополняется тем узловым моментом, который интерпретирует великий античный принцип «все во всем». И вот мы читаем одно из тех положений, ради которых написана обширная и во многом конкретная книга «Идеи к философии истории человечества»:

«Природа повсюду довольствуется существующим, и песчинка так же дорога ей, как и безмерное целое. Природа определила точки пространства и существования, в которых должно было складываться мирам, и в каждой из таких точек природа присутствует целиком и полностью, со всем своим могуществом, мудростью и благостью, как будто никаких других точек, где складывались бы миры, как будто никаких других атомов и нет вовсе. Итак, когда я открываю великую книгу небес и вижу перед собой этот неизмеримый дворец, который только и способен заполнить одно божество, я заключаю от целого к отдельному и от отдельного к целому, и целое тут неделимо»³.

В чем же состоят космистские мотивы Гердера, отмеченные интуицией неразрывной связи микрокосма и макрокосма, оптимизмом и прогностическим потенциалом, убеждением в грядущем совершенстве земного человечества и его вхождении в содружество космических цивилизаций?

В наброске к одной из статей он описал семь ступеней мирового бытия – от физико-химических процессов к органическому миру, биологии, зоологии, далее к человеческому разуму и мировой душе, которая является всем.

1. Организация материи – теплота, огонь, свет, воздух, вода, земля, электрические и магнитные силы.

² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 13.

³ Там же. С. 14.

2. Организация Земли по законам движения, силы притяжения и отталкивания.
3. Косная материя – камни, соли.
4. Организация растений.
5. Организация животных.
6. Организация человека – рассудок, разум.
7. Мировая душа – всё⁴.

И здесь показаны не только ступени исторического развития. В самом деле, не может же мир начинаться с физических элементов и иметь венцом своего развития мировую душу. Как мы увидим дальше, все начинается с высшего творческого центра, который заведует неорганической и органической эволюцией, продуцирует появление и развитие материального мира. Скорее в этой удивительной классификации заложена идея взаимосвязи материального и духовного, конкретного и абстрактного, физического и метафизического.

Какое же место в системе мирового бытия занимает человек? Это место отнюдь не физическое, это не биологическое существо в окружающей среде. Человек есть изначальный элемент мировой гармонии. Он есть краска в спектре радуги, цветок в букете, звук в симфонии. Человек как глубоко природное существо-объект тех форм движения материи, которые присутствуют везде и во всем, он вписан в этот мир со всеми своими потенциями. Человек есть такой элемент в структуре мироздания, который дополняет, украшает, обогащает целое.

Гердер писал о единстве материальной и духовной составляющих в природе человека. При этом он исходил из достаточно простых представлений, характерных для его эпохи, – естественнонаучной идеи однородности физического мира в целом, биологической и физиологической однородности людей как представителей определенного вида животного царства. Что физически находится в единстве, почему не должно прийти к единству духовному, вполне логично замечает Гердер. Чрезвычайно простая и одновременно всеобъемлющая идея эта подчеркивает онтологическое, логическое, нравственное противоречие между природой человека как физического существа, рожденного и функционирующего во вполне приспособленной для этого внешней среде, и отсутствием тех форм единства внутри человеческого рода, которые должны были бы устояться со времен появления человека на свет.

Простой пример. Зоологам известно, что представители одних видов не враждуют друг

с другом, не допускают массового насилия. Исключение из этого правила составляет только человек. Формы физиологического насилия в природе (поедание животными растений, поедание одними видами животных других видов) исторически дополняются социальными формами насилия (война, легитимное убийство, легитимное ограничение свободы). Социальные же формы насилия не имеют аналогов. И как видим, не имеют философского обоснования в парадигмах гуманистической мысли. Гердер даже сравнивает физическую природу, в которую тончайшим образом вписан физический аспект человеческого бытия, с пребыванием внутри тела божества. То есть человек, дышащий воздухом, купающийся в море, любующийся цветами, уже пребывает в лоне божественного.

Мыслитель обращался с понятиями духа и материи вполне корректно. С одной стороны, он утверждал их неразрывность, отсутствие противоположности и раздельного существования. С другой – указывал на отсутствие окончательного, полного знания об этих феноменах. «Мы не знаем такого духа, который творил бы вне материи и совершенно обходился бы без нее; а в самой материи действует столько сил, подобных силам духовным, что утверждение полнейшей противоположности и противоречия между духом и материей, этими, несомненно, весьма различными стихиями, само по себе есть суждение если и не противоречивое, то вполне бездоказательное. Как могут совместно, с глубочайшей гармонией творить две стихии, если они вполне разнородны и противонаправлены? И как можем утверждать мы, что они противоречивы, – ведь мы не знаем ни духа, ни материи в их глубине?»⁵

Повторимся: Гердер исходил из достаточно простого научного и мировоззренческого инструментария своего времени. Дух в его понимании – это всего лишь органическая жизнь, та специфическая природная сила, которая создает, поддерживает и развивает живое на его эволюционном пути, создает сложную структуру из смеси вещества. Это сила рождения, функционирования, регенерации, действующая чуть по-разному в природных царствах – в мире растений, животных, человека.

Однако было бы неверным проводить аналогию между мировоззрением Гердера и наивным механистическим материализмом. Свою концепцию жизни, то есть духа, он непосредственно

⁴ Гулыга А.В. Гердер. С. 53.

⁵ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 119.

связывает с творческой силой Бога и... с идеей перманентных превращений центров духовной энергии после их расставания с бранным телом, то есть с реинкарнацией. Это удивительное сочетание западной и восточной мысли приводит автора к достаточно неожиданной, однако красивой и в общем-то непротиворечивой концепции. Органические силы природы представляют собой перст божества. Бог творит множественность всех живых форм. Материальные формы временны, бранны. Однако органическая сила, покидая каждое из тел в свое время, не исчезает вместе с ним, но попадает в распоряжение творца этого мира. «Органические силы гармонически слились со своим творением и гармонически творят в нем, пока оно существует, – а когда оно отживет свой век, творец отзовет их и укажет им иное место, где творить»⁶.

Здесь возникает именно та форма бессмертия человека, которую много позже развил К.Э. Циолковский. Если вас собрали из какого-то материала один раз – вас, неповторимую, сложнейшим образом устроенную человеческую личность, то почему мы думаем, что этот процесс происходит один-единственный раз? В действительности, утверждал Циолковский, процесс повторяется периодически, он уходит как в глубь времен, так и в бесконечное будущее. Человек не может не жить, то есть не оживать, не «собираться» из природного материала вновь и вновь теми высшими силами, которые курируют наше существование⁷. Так преодолевается бранный стареющих материальных форм, не выдерживающих вечного существования. Так в учении Циолковского преодолевалось противоречие между материальными формами и самой материей – вечно обновляемой, вечно усложняющейся.

«Все радиусы стремятся к центру»

Гердер утверждает себестождественность животворящей природы. Она всегда равна себе, она не может стать ущербной, обедненной, не может исчезнуть или истощиться. Утверждая принципы единства и однородности мира, он стремится указать на ту конкретную силу, которая, исходя из высшего божественного источника энергии, пронизывает этот мир со всеми его творениями. Такой силой он считает *свет* или *эфир*. Точное определение этого мирового потока дать затруднительно. Несмотря на, казалось бы, довольно точные определения самого

автора, это всего лишь слова, имеющие скорее метафизическое, а не физико-химическое значение. Думается, что их не следует понимать буквально. Много важнее то, что постулируется наличие этого вечно существующего континуума, в котором пребывает все сущее, в котором осуществляется связь всего со всем.

«Разлитый по тысячам миллионов органов, поток небесного пламени все очищается и очищается, и становится все тоньше и тоньше, и через посредство его действуют все силы на Земле, и неотделимо от него чудо земного творения – рождение жизни. Быть может, еще и для того выпрямлено здание нашего тела, чтобы даже и более простые и грубые части нашего тела притягивали к себе как можно больше частиц от этого электрического потока, чтобы как можно больше перерабатывали их в себе; и для более тонких сил орудием телесного и духовного восприятия служит, правда, не сама простая электрическая материя, а нечто бесконечно более тонкое, переработанное нашим организмом и тем не менее сходное с электричеством. Одно из двух: или нет на Земле аналога действию моей души, и тогда непонятно, как может воздействовать она на тело и как другие предметы могут воздействовать на нее, или же именно этот незримый небесный дух света и огня пронизывает все живое и сливает воедино все силы природы.

В человеческом организме он достиг той тонкости, какая вообще возможна для земного строения, и благодаря ему душа, словно всемогущая властительница, творила во всех органах тела и бросала лучи внутрь своего существа, наделенная сознанием, волнующим все ее недра. И дух благодаря ему наполнился благородным теплом, сумел свободно самоопределился и так выйти из пределов своего тела, даже и из пределов самого мира, чтобы управлять ими. Дух овладел телом, и когда пробьет его час, когда распадется его видимая машина, что же более естественного, если он, согласно глубоким, вечно действующим законам природы, повлечет за собой все ассимилированное им, все тесно слитое с ним? Он перейдет в свою среду, и эта среда повлечет его за собой, – нет, лучше сказать, ты влечешь нас, ты направляешь наши пути, о пластическая божественная сила, разлитая по всему миру, о матерь и душа всех живых существ, ты поведешь нас вперед к нашему новому предназначению, ты заново сложишь нас и кротко увлечешь нас к новому существованию. Теперь ясно, полагаю

⁶ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 121.

⁷ Циолковский К.Э. Щит научной веры: Сборник статей. М.: Самообразование, 2007. С. 474–477.

я, все ничтожество аргументов, с помощью которых материалисты думали опровергнуть бессмертие человеческой души»⁸.

На вопрос современных ему и многих последующих представителей материализма – почему мы не имеем научных знаний об этих переходах-превращениях, почему они остаются незримыми для нас – Гердер предложил свой ответ. Собственно, он и сам себе задавал тот же вопрос: почему творец так устроил царства жизни, что на первый взгляд в них господствует разрушение? Ответ же его был таков: не все знания являются своевременными. Духовные силы, сбросившие телесные оболочки, отправляются в мир, недоступный человеческим чувствам. Духовное царство превращений и переходов скрыто от взора человека, недоступно для наших органов чувств. Природа творит во мраке своей мастерской, и пока еще не все доступно ее детям. В целом он полагал, что когда-нибудь выводы материалистов растают, как туман при свете солнца. Материализм базируется на логике обозримого, непосредственно наблюдаемого, очевидного. Однако горизонты бытия не могут быть ограничены, точно определены, выверены раз и навсегда. Есть реалии и свойства мира, не доступные непосредственному наблюдению. И одной – разумеется, не единственной – из причин является то, что сам человек еще не совершенен, еще не достиг своего полного развития.

«...Земля – это только место, где мы упражняемся в гуманности, где готовимся к будущему»⁹. Как мы уже могли убедиться, Гердер не был пустым мечтателем, беспочвенным оптимистом. Он с горечью отмечал, что из всех обитателей Земли человек – наиболее сложно устроенное и духовно развитое существо – дальше всех остальных отстоит от цели своего предназначения. А предназначением он считал развитие гуманности. В самом деле, растения и животные достигают своего предназначения. Не выбирая его само-

стоятельно, они следуют путем, отведенным им природой, и к ним нет и не может быть претензий. Цели же человека чисты, высоки и бесконечны, но каков он сам? Утешением является лишь то, что жалкое начало человека одновременно свидетельствует о бесконечности его поступательного пути. Необходимо собственными усилиями обрести ту ступень света, на которой человек услышит голос Отца; и тогда человекоподобное существо нынешнего дня достигнет высокого звания Человека.

Рассуждая на тему трансформации человеческой природы, Гердер приводит следующие аргументы. Высшие цели развития – это истина, красота и любовь. Однако исходные факторы человеческого существования совсем иные. Все эти грубые факторы ограничения – животная природа, потребность в пище, телесность, чувственные влечения, необходимость простого труда – должны сыграть свою роль, отойти в прошлое или преобразоваться. Известь наших костей мы вернем камню и земле. Грубое влечение полов заложит в человеке любовь к ближнему, заботу человека о человеке, чувство родства. Потребность в пище представляет собой всего лишь замаскированную необходимость совместного труда, и она разовьет способность коллективного действия. Таковы замаскированные намерения природы. Природа ведет человека сквозь грубые аспекты его существования к высшей реальности, воспитывает тяжким трудом и необходимостью работать над собой. Рано или поздно тяжкий лабиринт будет распутан, исчезнут грубые призраки – и проявят себя отдаленные, пока никому не видимые, однако истинные цели будущего существования. Под лучами прекрасного солнца раскроется бутон истинной человечности.

Вспомним логику Гердера, его приверженность принципу «все во всем». Все стадии, все ступени развития тончайшим образом связаны

И.Г. Гердер

⁸ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 121–122.

⁹ Там же. С. 131.

между собой. И, занимаясь самосовершенствованием, преодолевая себя сегодня, человек самым практическим образом непосредственно закладывает основу своих будущих качеств и будущей судьбы. Рано или поздно из куколки появится прекрасная бабочка. Но это уже не прекраснотдушная мечта, не абстрактная утопия, не религиозное утешение. Это конкретный практический путь работы над собой. Он философски обоснован, но философия выступает тем инструментом, каким и должна быть в действительности, то есть *инструментом действия*. Возникает тот самый момент, о котором сказано: нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Гердер-монист стремился обосновать некую перспективу и преемственность нашего развития, прекрасно осознавая нашу двойственность. По всей видимости, смертный, телесный, чувственный человек с его ограниченными силами и возможностями никак не соответствует обновляемым и бесконечным силам природы. Собственно, эта проблема занимала многих космистов. А.В. Сухово-Кобылин, Н.Ф. Федоров, Вл. Соловьев, В.Н. Муравьев, П. Тейяр де Шарден в той или иной форме ставили этот вопрос и давали на него свои ответы. Идея проективности человека, незавершенности и дальнейшей перспективы его развития выросла именно как вариант решения этой проблемы.

Гердер объявил человека средним звеном, соединяющим два мира – низшего, видимого мира физической природы и высшего – духовного, свойства которого мы только можем предполагать. Мы непосредственно обнаруживаем, а комплекс естественных и антропологических наук подтверждает, что человек занимает высшую позицию в мире живой природы на Земле. Наличествует факт. Но как относиться к этому факту? Если мы примем точные знания естественных наук за окончательные, предельные, то зайдем в метафизический тупик – так утверждает космизм. Если мы согласимся с тем, что человек есть венец творения, высший образец, то проблема несоответствия человека, его свойств, качеств, возможностей – свойствам, качествам и возможностям мира и Бога встанет со всей серьезностью.

Общество подобно самому человеку. Оно так же не является совершенным, так же конечно и ограничено. Социальный эволюционизм Гердера предполагает необходимость дальнейшего развития. В его учении об обществе можно выделить как минимум две стадии, планетарную и космическую, присущую всем цивилизациям Вселенной. Общность социального пути выступает архетипической чертой, роднящей космические цивилизации. Со временем и земное человечество откроет для себя дорогу в мировые пространства, будет путешествовать среди звезд. Человечество проходит

свой земной путь совершенствования, достигая «чистоты и тонкости». Гердер как бы вводит то же духовно-нравственное табу на выход в космос, которое позже артикулировал и более подробно аргументировал Циолковский, что было связано с уложением социального бытия в XX веке.

Дальнейшее развитие общества имеет некоторые существенные посылки, условия, без осуществления которых не мыслится линейное разворачивание цивилизаций в просторах космоса, расселение по лицу Вселенной. У Гердера это условие – достижение земным человечеством «чистоты и тонкости», у Сухово-Кобылина – одухотворение и трансформация телесности, у Федорова и Циолковского – содружество земных народов и государств. Гердер не рассматривал конкретные формы и методы выхода в космическое пространство, да это и не было в стиле его эпохи. Он как бы вскользь упомянул о будущем развитии человечества на новом поприще как о вполне естественной вещи. Циолковский, как известно, предложил и подробно разработал научно-техническую форму космической экспансии. Однако, как видим, начальное условие перехода с земной стадии развития на космическую у обоих, столь разных авторов разных эпох, является одинаковым. Этим условием становится тот уровень нравственного развития, который цементирует человечество в качестве непротиворечивого целого.

По выражению Гердера, «все радиусы стремятся к центру», множественность цивилизаций космического типа сближается, имеет общий вектор развития. Напрашивается сравнение с принципом центрации, который утверждал французский теолог, ученый и философ-космист XX века П. Тейяр де Шарден. Цивилизации сближаются, взаимно обогащаются, обмениваются опытом, способами развития. Пожалуй, ключевым моментом здесь можно считать взаимное обогащение. Сближение и взаимное обогащение – вот основные моменты содержания космической стадии существования социума. Это сближение в мировоззрении, в развитии взаимопонимания, в движении навстречу Богу. Взаимное обогащение осуществляется как передача опыта, знаний и способностей, избавление от ограничений биологического и физиологического характера, наложенных конкретной средой обитания.

Как видим, принципы, выработанные философией и теоретической социологией XX века, предвидел мыслитель XVIII века. Решалась единая задача: выработать базис объединения общества любого масштаба. В этом вопросе важно понимание, что объединение должно не обеднять, а обогащать; не ограничивать, а развивать свободу элементов, подлежащих единению; не создавать или усиливать жесткие формы соподчинения,

а вырабатывать новые, ранее невиданные формы содействия и сотрудничества. Так была поставлена и в философском плане решена двусторонняя задача сближения и одновременного расширения человеческого общества.

А теперь приведем еще один отрывок из текстов Гердера. В нем не только тесно переплетены отмеченные выше закономерности космистского мировоззрения. Он также являет собой образец той стилистики XVIII–XIX веков, которая не сухо излагает научные аргументы, но незаметно увлекает красотой чувства и слога в мир настоящей или будущей гармонии. Гердер убеждает нас не только логикой аргументов, но и силой эстетики. Интуитивное становится выше рационального, внутреннее созерцание гармонии привлекает в большей степени, чем та наивная механико-материалистическая научная база, на которую опирался ученый.

«Если мы вообразим себе, что однажды, когда познаем мы все строение нашей планеты, нам позволено будет путешествовать не по одной звезде и что в этом будет состоять жребий и изменение к лучшему нашей судьбы. Что некогда нам, быть может, будет определено общаться со всеми достигшими своей зрелости живыми творениями многочисленных, самых различных миров, наших братских миров, – какие перспективы! – они пробудят душу самого ленивого человека, стоит только представить себе, что пользуемся мы всеми богатствами созидательной природы, в которых пока отказано нам. Наши мысли, наши силы и способности, очевидно, коренятся в строении нашей Земли и не перестают изменяться и преобразовываться до тех пор, пока не достигают возможной для нашего земного мира чистоты и тонкости, – и на других планетах все будет точно так же, если только можно нам взять аналогию в руководительницы свои, – но какая же необъятная гармония представится нам, когда живые творения каждой из планет, достигшие своего полного и каждый раз столь различного развития, вместе пойдут вперед к одной цели, сообщая друг другу свои чувства и жизненный опыт!

Наш рассудок – это рассудок земной, и он постепенно сложился на основе чувственных впечатлений от нашего земного окружения; то же можно сказать о склонностях и влечениях нашего сердца, – но другой мир, вероятно, не знает ни земных средств развития, ни земных препятствий к развитию. Но неужели же неведомы ему и сами конечные результаты развития? Нет, конечно же, известны! Потому что все радиусы стремятся к центру. Чистый рассудок всегда будет рассудком, от каких бы чувственных впечатлений ни был он отвлечен, и энергия сердца всегда

будет той же доблестью, той же добродетелью, на каких бы предметах она ни упражнялась. Итак, может быть, и здесь величайшее многообразие стремится к единству, и всеобъемлющей природе известна такая точка, в которой объединятся все самые благородные порывы многообразных существ, и цветы Вселенной соберутся в один сад.

Что физически находится в единстве, почему не должно прийти к единству и духовному, и моральному, – ведь и дух, и мораль тоже относятся к физическому миру и подчиняются все тем же законам, зависящим в конечном счете от Солнечной системы. Итак, если допустимо сравнить общие свойства каждой из планет, проявляющиеся и в органическом строении, и в жизни их обитателей, с цветами радуги или со звуками звукограда, то я бы сказал, что, по всей вероятности, свет единого солнца добра истины по-своему преломляется на каждой из планет, так что ни одна не может гордиться тем, что пользуется всем Солнцем. И только потому, что всех их освещает одно Солнце и все они движутся в одной плоскости образования и воспитания, можно надеяться, что все они, каждая своим путем, приблизятся к совершенству и в далеком будущем, после всех странствий и перемен, соединятся в одну школу добра и красоты. Пока же будем людьми – только людьми, только одним цветом, только одним звуком гармонии звезд»¹⁰.

Яблоко красоты, или Сокровенный образ сферы

Гердер оказался одним из тех мыслителей, кто отдал дань идее круга и сферы, кого притягивала тайна этих фигур, созданных природой с неким сокровенным смыслом. Символика сферы развивалась со времен античной космологии и философии эпохи Возрождения. Уже первые образцы теоретического конструирования моделей бытия античности были связаны с образом сферы. Это и неподвижный шаровидный мир-бытие Парменида, и единое шаровидное, вечное и неподвижное бытие Эмпедокла, и живой дышащий мир Пифагора, и бесконечность множественных шаровидных миров Демокрита, проходящих стадии рождения, существования и исчезновения. Это дуальный мир Платона, состоящий из сферы идеального и сферы вещественного, и круговой сферический мир с конечным радиусом Аристотеля. «Но, поскольку есть крайний предел, оно завершено отовсюду, подобное глыбе прекруглого Шара, от середины везде равносильное, ибо не больше, но и не меньше вот тут должно его быть, чем вон

¹⁰ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. С. 17–18.

там вот. <...> Ибо отовсюду равно себе, однородно в границах», – объяснял Парменид¹¹.

Николай Кузанский указал на шар как на последнее совершенство фигур, больше которого нет, в труде «Об ученом незнании»: «Через подобие максимума максимальному шару мы ясно видим теперь, что он есть единая простейшая и точнейшая мера всей Вселенной и всего существующего во Вселенной, раз целое в нем не больше, чем часть, как шар не больше, чем бесконечная линия. Бог есть единое простейшее основание всего мирового целого, и как после бесчисленных круговращений возникает шар, так и бог, наподобие максимального шара, есть простейшая мера всех круговращений...»¹² Так высшее начало мира – Бог как символ совершенства мира ассоциируется с этими геометрическими фигурами.

Сравнительно малоизвестный своими философскими трудами русский писатель А.В. Сухово-Кобылин во второй половине XIX века рассматривал образ сферы подобно Николаю Кузанскому прежде всего в онтологическом плане. Он представлял само бытие в виде бесконечно вращающегося бесконечного шара. При этом русский философ, ссылавшийся на гераклитику, осознавал укорененность своих идей в античности. Итак, согласно онтологии Сухово-Кобылина, бесконечный шар Всемира, то есть мирового бытия, состоит из трех бесконечностей. Первая представляет собой логическую бесконечность, бесконечность нуля. Это Бог с его потенциями творения видимого мира. Вторая бесконечность есть бесконечность единиц, то есть вся тотальность существующих физических форм, весь видимый мир природы, совокупность форм физической реальности. Третья бесконечность есть «бесконечность бесконечного», то есть эволюция мирового духа в его историческом развитии, его воплощение сначала в объектах природы, затем в человеке и, наконец, в Боге¹³.

Гердер писал: «Круг – самая совершенная фигура; своими самыми легкими очертаниями он из всех фигур замыкает наибольшую поверхность и в прекрасной простоте заключает величайшее многообразие; так и наша Земля и все планеты и солнца вышли из рук природы шарами, предначертаньями простейшей полноты, скромнейшего богатства. <...> Непостижимо, что люди так долго наблюдали тень Земли на поверхности Луны и не чувствовали в глубине души своей: все, решительно все на Земле – окружность, колесо, изменение. Кто принял близко к сердцу фигуру круга, неужели отпра-

вился бы тот обращать весь мир в чисто словесную философскую и религиозную веру или же стал с тупым и фанатичным усердием убивать людей за их верования? Все на нашей Земле есть изменчивость шара: ни одна точка не равна другой, ни одно полушарие неравно другому, восток и запад противоположны, и противоположны север и юг. <...> Все на Земле – изменение: никакие разделения, никакая градуировка глобуса и карты не принимаются в расчет. Вращается шар; вращаются на нем и умы и климаты – нравы и религии, сердца и платья. Несказанная мудрость не в том, что все так многообразно, но что на Земле, на этом шаре, все создано столь единосообразно и настроено в унисон. Яблоко красоты и заключено в законе: многого достигать одним, величайшее многообразие вести от непринужденно-единства»¹⁴.

Если предшествующие авторы стремились раскрыть само идейное содержание сферы, то теоретик космонавтики К.Э. Циолковский использовал природную сферу, то есть форму планеты, как идеальный образец для будущего строительства, пытался применить ее для тиражирования искусственных наземных и космических сооружений. В различных контекстах Циолковского появляются созданные человеком шары, сферы, торы, скругленные цилиндры. Это статические и динамические сооружения, сопоставимые по размерам с размерами планеты и Солнечной системы, – системы поездов, эстакады, торообразные жилища. В конечном итоге это может быть сфера подвижных технокомплексов, заменившая планеты Солнечной системы и имеющая Солнце в качестве источника энергии и центра всей системы.

Исходной точкой стала круглая форма планеты как природного дома человечества и естественного космического корабля, на котором все мы ежесекундно уносимся в космические дали. Задумываемся ли мы о том, что вместе с космическим кораблем под названием «Земля» никогда не возвращаемся в исходный пункт? Ведь мир, в котором мы живем, постоянно движется, и Земля находится в движении вместе со звездным скоплением, в состав которого входит. Сверхидеей Циолковского было усовершенствование и тиражирование этого природного космического корабля. Как обеспечить человеку свободу невесомости? В статьях ученого многократно встречается образ вывернутого наизнанку земного шара. Это может быть как природная планета, так и искусственное планетоподобное сооружение.

¹¹ Цит. по: *Перевезенцев С.В.* Практикум по истории западноевропейской философии: Античность. Средневековье. Эпоха Возрождения. М.: Учебная литература, 1997. С. 58.

¹² *Кузанский Николай.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 87.

¹³ *Сухово-Кобылин А.В.* Учение Всемир: Инженерно-философские озарения. М.: СЕТ, 1995. С. 17.

¹⁴ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. С. 21–22.

В трудах Циолковского идея сферы развернута конкретно, представлена в проектах не только космических, но и земных жилищ-коммун. Обширные скругленные помещения – жилища архитектурно реализуют идею равенства всех его жителей по отношению друг к другу. Многоэтажный дом в форме кольца с круглым двором в центре организует пространство быта так, что все его жители имеют равное пространственное отношение к общим помещениям. Словесное описание Циолковского графически вполне возможно проиллюстрировать рисунком Шамбалы – кругом, разделенным на равные сегменты, где пребывающие в них жители равны по отношению друг к другу и организующему их мир центру. Сфера, шар, тор выступают в архитектуре Земли и космоса как предельно развернутые формы совместного бытия людей, где обеспечивается коллективность, коммуникабельность, открытость. Это буквально *открытое общество* с возможностями тесного общения, равенством прав и возможностей. Социальное равенство реализуется через децентрализацию сфер производства и услуг; равное положение жителей относительно друг друга и общего центра. Шар, сфера предстает как физическим, так и метафизическим пространством совершенно совместного бытия, где центр не управляет периферией, но связывает всех через всех.

Однако вернемся к тем мыслям Иоганна Готфрида Гердера, которые могут быть полезны современному читателю. Характерной чертой космистского типа мышления является проективность, новаторство, стремление к преодолению достигнутого уровня бытия практически во всех областях, подвластных человеку. Даже в преодолении базисных позиций существования и организации Вселенной, если они не ведут к достижению совершенства как отдельного человека, так и мира в целом. Мы знаем спектр этих идей, масштабных, дерзких, выбивающихся из парадигмы обыденного сознания: развить в человеке предельно совершенные свойства, спроектировать собственное бессмертие, управлять временем и жизнью небесных тел. Одной из черт этого спектра является антидогматизм – мысли, реагирования, действия, философской рефлексии. Сократовский тезис «я знаю, что ничего не знаю» трансформируется в мысль Гердера о скромной роли философа:

«Обыкновенно философ именно тогда становится более всего животным, когда он хочет самым верным путем стать богом. Так случается и при самом достоверном его расчете на усовершенствование мира. Если бы только все шло по ниточке и каждый последующий человек и каждое последующее

поколение совершенствовалось бы в соответствии с его идеалом, в наилучшей прогрессии, для которой он один устанавливал бы показатели добродетели и счастья! Тут всегда в конце ряда оказывался бы он сам – последнее, высшее звено, на котором все закончится. <...> Наконец, считая себя всеведущим, он не подумал, что у бога в отношении рода человеческого может существовать более великий план целого, который не в состоянии охватить взором отдельное создание именно потому, что в плане этом ничто не сводится к чему-либо только единичному, менее всего – к восседающему на троне философу восемнадцатого века как к последней цели»¹⁵.

Являемся ли мы последней целью собственно существования? Было бы неплохо растворить собственное эго, возводящее каждого из нас на вселенскую высоту. Также было бы неплохо не считать себя ничтожной песчинкой временного бытия и не перекладывать ответственность за все вокруг на вышестоящие инстанции, как будто другие могут неизмеримо больше тебя самого. Научиться бы занимать позицию золотой середины, когда все в других, каждый во всем, и каждый есть краска в радуге совместного человеческого бытия.

Памятник И.Г. Гердеру в Веймаре. Германия

¹⁵ Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.–Л.: Госиздхудлит, 1959. С. 283.